

МУРАТ КУРИЕВ

НЕЛЬСОН

Мурат Магометович Куриев

Нельсон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68752119

Нельсон: Издательство «У Никитских ворот»; Москва; 2023

ISBN 978-5-00170-711-0

Аннотация

Ростом – меньше Наполеона. Рано поседел. Одна рука, глаз, покрытый голубоватой пленкой... Так выглядит самый популярный национальный герой Англии, адмирал Горацио Нельсон. «Спаситель нации».

Отчаянно храбрый, необыкновенно тщеславный. Прославившийся благодаря многим победам и одной истории любви. Скандальной, как многое, что связано с Нельсоном.

Тщедушный человек в адмиральском мундире... Но какая сила в нем жила! Какие страсти бушевали! За это его и обожают англичане. И еще за то, что он создал целую идеологию всего из одного слова. **Долг.**

Содержание

Предисловие	5
Пролог	7
Часть первая	9
Введение	11
Глава первая	12
Глава вторая	26
Глава третья	38
Глава четвертая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Мурат Куриев Нельсон

© Куриев М. М., 2023

© Темников А. В., иллюстрации, 2023

© Издательство «У Никитских ворот», 2023

* * *

*Особая благодарность – моему другу Михаилу
Годину. Благодаря его поддержке и появилась эта
книга*

*...Если бы жажда славы была грехом, то я был
бы величайшим грешником в мире.
Горацио Нельсон*

Предисловие

Как-то адмирал Альфред Тайер Мэхэн, выдающийся историк и теоретик, заметил, что «морские деяния всегда менее заметны, чем звон оружия». С обидой сказал, но ведь и правда.

Возьмите эпоху Наполеоновских войн. Почти любой человек навскидку назовет минимум три великих сражения: Аустерлиц, Бородино, Ватерлоо... А на море? Наверняка только Трафальгар. И вспомнят лишь адмирала Нельсона.

Горацио Нельсон... Он ведь знаменит не только своими победами, но и одним из самых известных романов в истории. Нельсон – герой очень необычный.

...Сразу после того, как он получил свое первое адмиральское звание, Нельсон практически перестал носить гражданское платье. Всегда и всюду появлялся в адмиральском мундире. Обильно украшенном наградами. Для внушительности? Вполне возможно.

Рано поседевший, худенький, маленький... Да я сам себе противоречу! В книге про Наполеона упорно доказывал, что император, с его 169 сантиметрами, для своего времени совсем не маленький. У Нельсона то ли 164, то ли 165. Он уже маленький?!

Да. Наполеон со временем обрел вес, в прямом смысле слова. Стал выглядеть, по крайней мере, внушительно. Нель-

сон в весе не прибавил. Один глаз почти не видит, правой руки нет. Тщедушный человечек в адмиральском мундире...

Маленький. Но какая сила в нем жила! Какие страсти бушевали! Скандалов не меньше, чем громких викторий. Отчаянно храбрый и невероятно тщеславный, истово верующий и вульгарный... Как это все помещалось в маленьком Нельсоне?

Вот так. Он – один из самых ярких персонажей эпохи, в которой даже чуть-чуть засверкать непросто. Нельсон сверкал. Не только орденами на адмиральском мундире.

«Моя уверенность в собственных действиях не поколеблена, я не вижу в них ни единого изъяна». Эта книга – об очень самоуверенном человеке. О грешнике, который всегда рассчитывал на Бога...

Пролог

...Их было много, таких попрошайек. В Англии первой трети XIX века – очень много. Сколько тебе дадут, если просто сидишь с протянутой рукой? Придумай что-нибудь! Они придумывали.

«Я нес раненого адмирала Нельсона!», «Эй, одну руку я потерял при Трафальгаре, но это я перед битвой поднимал тот сигнал на бизань-мачте!» Кто-то останавливался, уточнял: *«Действительно? Тот сигнал?»* Попрошайка бил себя в грудь култей: *«Да, клянусь Богом! Тот самый сигнал!»*

Тот самый сигнал. В Англии все знали какой.

...Карьера контр-адмирала Джона Паско не была впечатляющей. По многу лет на половинном жалованье, без корабля. Но в историю Джон Паско вошел. И как! С помощью всего лишь *одного* слова.

7 апреля 1803-го первый лейтенант Паско получил назначение на флагманский корабль Королевского флота «Виктори». 20 октября 1805-го, за день до Трафальгарского сражения, адмирал Нельсон назначил его офицером по связи.

Офицер по связи должен, прежде всего, отлично разбираться в сигнальных флагах. Незадолго до начала битвы, 21 октября, лорд Нельсон вызвал Паско к себе и сказал, что хочет передать флоту особое сообщение. Паско выслушал адмирала и предложил, в целях экономии времени, заменить

только одно слово.

Нельсон не стал возражать. «Хорошо, Паско. Делайте, и как можно скорее». Так появился **тот самый сигнал...**

Часть первая
«Озарение» Горацио Нельсона

Введение

В 12 лет Горацио Нельсон попал на флот, в 47 – погиб в битве при Трафальгаре. Советские биографы Нельсона очень любили подчеркивать тот факт, что Нельсон, дескать, пробился наверх «из самых низов» и потому в высшем, аристократическом обществе никогда не чувствовал себя «своим».

Насчет того, был или не был он «своим» для аристократов, можно поспорить. Однако Нельсон – точно не из «самых низов». И влиятельный дядя ему сильно помог. А потом он стал Нельсоном. Сам.

Талант? Разумеется. Но прежде всего – *характер*. Он с ним родился и никогда не забывал благодарить Бога за это.

Глава первая

Мальчик, который не любил свое имя

Сегодня главный паб в местечке Бёрнем-Торп в графстве Норфолк, где родился прославленный адмирал, называется «Лорд Нельсон». А как еще он должен называться? Во времена, когда в паб заходил сам Нельсон, название было другое, «Плуг».

В те годы Бёрнем-Торп был захолустной дырой, сейчас он... родина Нельсона. Дома, в котором адмирал родился и вырос, уже нет. Но! Стоит у обочины дороги табличка. «Здесь...» Все как полагается. Есть церковь, в которой крестили Нельсона. Есть что-то еще. Прямо по дороге, потом направо... Вот и закончился Бёрнем-Торп.

Родина одного из величайших национальных героев Англии. Местечко... очень английское. Скалы, сопки, соленые болота. Жизнь такая скучная, сонная, что хорошая погода Бёрнем-Торпу просто не к лицу. Она и была по большей части плохой.

И вот он, «лучик надежды»! Половина биографов Нельсона пишут, что 29 сентября 1758 года – день ясный и солнечный. Другая половина про погоду не вспоминает. Как-то не по-английски. Хотя в жизни лорда Нельсона погода значила многое. Хорошо, пусть не погода в целом, но *ветер, ветер*... А вот про ветер в день рождения Нельсона не пишет

никто. Никто и не знает.

...Как я всегда говорю, историки обожают совпадения. Некоторые из них, мягко говоря, так себе, но все же. Супруги Буонапарте на Корсике дали своему первенцу имя Наполеоне. Мальчик умер в младенчестве, однако еще одного из сыновей снова называли *Наполеоне*.

В семье Нельсонов один из первенцев тоже получил имя Горацио и тоже умер, прожив чуть больше чем ничего. Еще через несколько мальчиков опять появился *Горацио*.

Наполеоне через какое-то время свое имя сократит. Горацио, которому его имя долго не нравилось, в детстве подписывался Хорасом, выводя из себя своего отца. Как вам совпадение? Кто ищет – найдет.

...Родившийся 29 сентября 1758 года Горацио Нельсон в первые дни плохо подавал признаки жизни. Оттого и с крещением поторопились. Так, на всякий случай.

Родился будущий великий адмирал, а вместе с ним – легенды. Все знают, что Нельсон победил при Трафальгаре. Многие – что адмирал страдал от морской болезни. Про морскую болезнь обязательно рассказывают в популярных изданиях. А как иначе? Прославленный флотоводец – и с таким-то недугом!

Был недуг, был. Нельсон сам признался в письме к графу Кэмдену, и именно на это письмо любят ссылаться историки. Кстати – классический пример того, что не стоит вырывать слова из контекста.

Племянник Кэмдена ушел с флота из-за морской болезни, а Нельсон попытался его приободрить. Дескать, и сам страдаю, особенно «при сильном ветре». Страдали в действительности многие. Уходили далеко не все. Морская болезнь не столь уж и страшна, но... Штрих!

О, штрих всегда делает образ главного героя объемным, ярким. *Низкорослый* Наполеон, страдавший от морской болезни Нельсон... Адмирал, как мы уже знаем, ростом ниже великого императора. Маленький. Тщедушный. Одноглазый (что неправда), однорукий. Его еще и укачивает при сильном ветре!

Лежащий на поверхности вывод. Это какой же силой духа для совершения столь славных подвигов он должен был обладать! С духом у Нельсона все в порядке. Со здоровьем и правда не очень. Легенды оставим тем, кто не может без них обойтись.

Легко можно обойтись и без подробного рассказа о «происхождении и родословной». Иногда это не очень существенно, и Нельсон как раз тот самый случай. Однако кое о чем упомянуть следует.

...Отца своего Нельсон почитал, но ни теплоты, ни доверительности в их отношениях не было. Такое случается и ровным счетом ничего не значит. Не было у них «точек соприкосновения».

«Здесь не будет прибежища непостоянству...» Слова преподобного Эдмунда Нельсона. Сурового, как считается,

человека. С виду – необыкновенно сурового. Рано поседел, седые волосы длинные, до плеч. Черты лица резкие, взгляд тяжелый. Впрочем, кто-то говорит о том, что был Эдмунд Нельсон человеком добрым и с отличным чувством юмора. Кто их поймет, англичан. Только они могут быть сурово шутивными.

Известно, что отец Нельсона и сам жил по правилам, и детей заставлял. Горацио унаследовал от него страсть к порядку и дисциплине, что сильно пригодилось на флоте. Считается, что веру в Бога Горацио тоже перенял, хотя очень своеобразную. Противоречив был, как и его отец.

Эдмунд Нельсон и добродетелен, и суров, но решительность и уверенность в себе в число его сильных качеств не входили. Пока была жива его жена Кэтрин, держался неплохо, потом – начал рефлексировать. Преподобный сомневался во всем. В способности убедить паству. В возможности обеспечить достойную жизнь своим детям. Он даже не женился второй раз. Тоже сомневался, наверное. Хотя... К Кэтрин он действительно был очень привязан.

Нельсоны не могли похвастаться ни знатностью, ни богатством. У Кэтрин (в девичестве – Саклинг), по крайней мере, имелись и знатные, и богатые родственники. Она – внучатая племянница едва ли не самого влиятельного британского политика первой трети XVIII века Роберта Уолпола, первого министра короля Георга II. «Премьером» Уолпол себя не называл.

Уйдя в отставку, Уолпол поселился в Норфолке, совсем неподалеку от Бёрнем-Торпа, где жили Нельсоны. Поместье Хоутон-холл не просто роскошное. Здесь Роберт Уолпол разместил свою коллекцию картин, которую современники называли «выдающейся». Она такой и была. Однако беспутный внук великого государственного деятеля продал большую часть картин. А одним из покупателей стала российская императрица Екатерина II.

Впрочем, в Хоутон-холл Нельсонов никогда не приглашали. Родом не вышли. А Саклинги там бывали. Хотя вообще-то и они совсем не из высшего общества. Правильно сказать – крепкая буржуазия. Не богачи, но твердо стоят на ногах. Эдмунд Нельсон считался не лучшей кандидатурой для Кэтрин, однако ее отец хоть и не бедный, но – тоже священник.

Возможно, это обстоятельство и стало определяющим. А Саклинги роль в жизни Горацио Нельсона еще сыграют, причем очень значительную. Впрочем, и без Уолполов не обойдется. Пора заканчивать с генеалогией.

Кэтрин Саклинг и Эдмунд Нельсон сочетались браком в 1749 году. Приход в Бёрнем-Торпе Эдмунд получил в 1755-м. К тому времени у них родилось уже трое детей, но из них двое – умерли в младенчестве. Умер и первый Горацио. Шестого ребенка опять называли Горацио. По настоянию Кэтрин Саклинг-Нельсон.

...В 1804 году, незадолго до смерти, Нельсон скажет: «Ко-

гда я думаю о днях прошедших, то вспоминаю о матери. Она всегда в моем сердце». А ведь он был мальчишкой, когда Кэтрин Саклинг-Нельсон умерла. Но посмотрите на портрет его матери. Горацио очень, очень похож на Кэтрин. Главное – есть сходство и в характерах. Кэтрин, в отличие от своего мужа, женщина твердая и решительная. При таком-то количестве детей – с принципами. Терпеть не могла все французское! Нельсон впоследствии любил пошутить на эту тему.

Он признавал, что со смертью матери жизнь его семьи сильно изменилась. Кэтрин умерла в конце 1767 года.

Восемь детей, младшая из сестер Нельсона – грудной ребенок. Эдмунд впал было в депрессию, но, к счастью, довольно быстро из нее вышел. С непосильной для него тяжестью – грузом ответственности.

Давайте я скажу сразу. «Тяжелым» детство Нельсона не было. Ни до смерти матери, ни после нее. Не голодали, в обносках не ходили, заботились друг о друге. До конца жизни Нельсон будет очень привязан к своим братьям и сестрам. Он хороший родственник.

Образование? В октябре 1799 года Нельсон, по просьбе одного из своих первых биографов Джона Макартура, напишет «Очерк моей жизни». Совсем небольшое произведение, да и главные его подвиги были еще впереди. Про образование – ровно одна строка: *«Посещал среднюю школу в Норидже, затем переехал в Норт-Уолшем»*. Заметим, что в прилежных учениках Горацио не числился и толкового образо-

вания национальный герой Англии так и не получил. Что с того?

Это ему никогда не мешало. Удивительная, на мой взгляд, вещь. На флоте Его Величества хорошо образованные офицеры не то что не правило, а крайне редкое исключение. Изречениями на латыни в кают-компаниях не балуются. Да и какое там у них могло быть образование? Большинство начинало службу даже не подростками, мальчиками.

Тема интересная, обстоятельный разговор – впереди. Пока лишь скажу, что адмирал Коллингвуд, например, писал на прекрасном, безупречно грамотном английском, а Нельсон – с ошибками. Однако Коллингвуда знают лишь историки, а Нельсона – все. И кто будет обращать внимание на ошибки, если, например, письма Нельсона до сих пор читаются с большим интересом. У него были и дар, и воображение. Зачем ему латынь? Неплохо образованный Веллингтон ее тоже терпеть не мог.

Пора поговорить про «слабое здоровье». К версии про «плохую генетику» серьезно относиться не стоит. Да, мать Горацио часто болела и умерла совсем не старой, в сорок с небольшим. В младенчестве умерли и несколько ее детей. Тревожный сигнал? Как сказать. Для того времени – ничего необычного. Не забываем и про весьма низкий уровень медицины.

Преподобный Эдмунд Нельсон тоже болел. И, несмотря на стесненные жизненные условия, регулярно ездил в Бат,

чтобы поправить здоровье. Помогло, наверное. Отец адмирала дожил до 80 лет, что по тем временам – большая редкость. В общем, все индивидуально.

Признаем, что впечатление человека, пышущего здоровьем, Горацио Нельсон не производил. Никогда. Ни в детстве, ни в зрелом возрасте. Его современник Веллингтон не «поражал статью», но человек он физически очень крепкий и всегда – в отличной форме. Наполеон практически до 30 лет был очень худым и только потом прибавил в весе, что сразу добавило ему солидности. Нельсон «солидностью» так и не обзавелся.

Зато, в отличие от Наполеона и Веллингтона, обзавелся многочисленными ранениями. Разумеется, на его отнюдь не богатырском здоровье это скажется. Про глаз и руку мы знаем, но было, например, и ранение головы. Результат? Повторяющиеся приступы сильной боли, он стал страдать бессонницей.

Продолжим «историю болезни». Много плававший и побывавший в самых разных местах, Нельсон чуть ли не всякий раз в обязательном порядке заболел какой-нибудь «местной хворью». Иногда – в тяжелой форме. Напрашивается простой и правильный вывод. Богатырским здоровьем Горацио Нельсон не обладал.

Так ведь и изнеженным слабаком он никогда не был! Хотя даже родной отец считал его хилым и не хотел отдавать на флот потому, что боялся – не выдержит. Он выдержал. Все

дело в характере!

Учиться Горацио не очень нравилось, а вот игры на свежем воздухе он просто обожал. Непоседлив и очень азартен. Его старшего брата Уильяма, с которым они были очень близки (разница в возрасте – год), порой пугали идеи Горацио. Во всех книгах про Нельсона есть эта история. Если бы я ее пропустил, меня бы просто не поняли.

...Уильям «идти на опасное дело» отказался, маленький Горацио отправился разорять птичьи гнезда с приятелем. И – не вернулся к ужину. Бабушка, которую Нельсон нежно любил, забеспокоилась. Темно, а неподалеку на постое цыганский табор. Похитят! В общем, отправились на поиски. Нашли у пруда, через который Горацио с приятелем никак не могли переправиться.

Успокоившаяся бабушка спросила у внука:

– Горацио, неужели голод и страх не заставили тебя побыстрее вернуться домой?

Мальчик якобы переспросил:

– Страх? Не было здесь никакого страха. Как он выглядит? Он большой?

Каков храбрец! Из таких эпизодов и складываются легенды. Горацио Нельсон, не ведавший страха... Повод сказать об одном качестве Нельсона, которое вызывает уважение, а у матросов – настоящий восторг. Нельсон – феноменально храбрый человек. У нас еще будет возможность убедиться в бесстрашии адмирала, но сейчас не о реальности, а об обра-

Согласитесь, это необыкновенно привлекательно. Болезненный мальчик, щедедушный адмирал... Необыкновенный простор для разного рода спекуляций! Что вижу я?

Тот самый характер. Волю. Испытания и трудности не останавливали Горацио Нельсона, он их преодолевал. Недостаток физических сил с успехом компенсировал редкостным упрямством. Мальчики попадают на флот в 10–12 лет, что нужно больше всего для карьеры, признания? Терпение.

Он ведь и правда был маленьким и довольно хилым, но – терпел. Делал через не могу. Воля у Нельсона фантастическая. Была с детства, осталась до смерти. Это, пожалуй, главное.

Что еще из легенд? Ах да, любовь к морю. «Классики» утверждают, что Горацио Нельсон чуть ли не с младенчества мечтал о карьере морского офицера и в жизни, кроме моря, его ничто не интересовало. Вполне может быть.

Нельсон хоть и вырос в деревне на берегу всего лишь реки, но он – родом из графства Норфолк. Значительная часть его территории – побережье Северного моря. Норфолк с древних времен был одним из главных поставщиков моряков на Королевский флот. Здесь и во внутренних районах морской романтики в избытке.

Разумеется, в те годы многие мальчишки мечтали о море. Флот к тому же гораздо популярнее армии, на то есть масса причин. Среди них и такая, совсем не романтическая, как

деньги. Заработать на флоте можно больше. Есть много разных нюансов, однако *гарантированный достаток* – очень сильный аргумент при выборе профессии.

Полагаю, что Нельсон, человек, к слову, довольно меркантильный, даже в юном возрасте трезво оценивал все «за» и «против». Море станет его истинной страстью, но нельзя недооценивать и жизненные обстоятельства.

...Эдмунд Нельсон не был плохим отцом. Однако, повторю, человеком – довольно слабым. Его дети это видели. Строг, суров, а сделать мало что может. Преподобный, надо отдать ему должное, и сам понимал, что без посторонней помощи ему никак не обойтись. Одно дело – обеспечивать всем необходимым *сегодня*, совсем другое – обеспечить *достойное будущее*.

Своих родственников, которые могли бы помочь, у Эдмунда Нельсона не имелось. К счастью, братья его покойной жены, Уильям и Морис, были не то что сильно привязаны к племянникам и племянницам, но ответственность – чувствовали. Чувствами не ограничивались, делали все, что могли.

Рассказывать о том, как они «пристраивали» детей сестры Кэтрин, не будем, нас ведь интересует прежде всего Горацио Нельсон. В его судьбе огромную, это совсем не будет преувеличением, роль сыграл младший брат его матери (разница в возрасте между ними – всего год), Морис Саклинг.

Дядя Морис в семье Нельсонов – кумир для всех детей.

Отважный капитан, герой Семилетней войны. Саклинг не только отличный моряк, но и человек приятный в общении, с прекрасным чувством юмора. Этих качеств ему вполне хватило и для успешной карьеры, и для того, чтобы обрести полезными связями. Он даже станет членом парламента.

Забегая вперед, скажу, что Морис Саклинг вплоть до своей смерти в 1778-м будет поддерживать Горацио, и есть довольно популярная версия о том, что если бы не дядя, то юный Нельсон вряд ли добился бы столь впечатляющих успехов. Что ж, доля истины в подобном утверждении есть. Только кто в Англии тех лет мог рассчитывать на успех без протекции?

Вспомним герцога Веллингтона. Если бы его старший брат, Ричард, не стал бы генерал-губернатором Индии, была бы карьера Артура Уэлсли столь же успешной? «Настоящий талант всегда пробьет себе дорогу» – не более чем красивое выражение. Слишком многое должно совпасть. И протекция – дело наиважнейшее.

К тому же, по каким-то не вполне понятным причинам, Морис Саклинг, бывавший в Бёрнем-Торпе крайне редко, одного из своих племянников выделял. Как раз Горацио. Возможно, потому, что именно он проявлял искренний и большой интерес к «морским делам». Дальше – обратимся к легенде. Столь же популярной, как и «история про страх».

...Итак, рождественские каникулы 1770 года. Эдмунд Нельсон в очередной раз отправился в Бат, поправлять здо-

ровье. Его сыновья Уильям и Горацио маются от безделья. Погода отвратительная, приходится торчать дома. Благодаря местной газете «Норфолк крониклз» они узнают важную новость. Их дядя Морис получил назначение. Теперь он капитан 64-пушечного линейного корабль «Ризонэбл» («Разумный»).

Горацио тут же просит старшего брата написать письмо отцу в Бат – не разрешит ли он ему отправиться в море с дядей Морисом? Эдмунд Нельсон немного посомневался, а потом все же обратился с просьбой к Морису Саклингу. Детей и правда нужно было куда-то пристраивать. А преподобный в первую очередь заботился о дочерях, с девочками всегда все сложнее.

Что до Горацио... Ну, не возьмет его Саклинг, мальчику-то всего 12 лет, его «трудоустройство» точно не приоритетная задача.

Капитана Саклинга возраст как раз совсем не волновал. Он сам отправился служить рядовым матросом на военный корабль «Ньюкасл» в 13. Смущало его только пресловутое «слабое здоровье». В ответном письме Эдмунду Нельсону капитан, большой любитель пошутить, не преминул это сделать и сейчас: *«Чем же так провинился несчастный Горацио, что именно ему, самому слабому из всех, придется нести морскую службу? Впрочем, пусть приезжает. Может, в первом же бою ему снесет голову пушечное ядро и разом избавит от всех забот».*

Черный юмор. У моряков такой в почете. Нельсон тоже полюбит подобные шутки. И да, к тому времени он уже смирился с именем, которое ему так не нравилось.

...В конце зимы 1771 года Горацио Нельсон отправился в Чатем, где стоял «Ризонэбл». Отец довез его до Лондона и посадил в дилижанс. Дальше – сам.

Глава вторая

Пока не приехал дядя Морис

В Чатеме Горацио Нельсона никто не встретил. Да и не должен был. Людей здесь много. Шумные матросы около пабов, еще более громкие женщины с детьми рядом с многочисленными лавочками. Он спросил, где находятся доки, — и пошел.

А в доках никто толком не знал, где стоит «Ризонэбл». Горацио искал корабль до вечера, пока не встретил какого-то сжалившегося над ним офицера. Он отвел замерзшего мальчика (день холодный) на борт корабля его дяди. Только самого капитана Саклинга там не было, и никто не знал, когда он появится. Хуже всего то, что Саклинг никого не предупредил о приезде племянника. Справедливости ради отметим, что это единственный пример легкомысленного поведения дяди в отношении Горацио. В дальнейшем — только неустанная забота.

«Хотя я не особенно преуспел в науках, но приобрел ряд практических навыков и трепетное отношение к Королевскому флоту, а также взял на вооружение популярный тогда среди моряков девиз: “За славой вперед, отважный моряк!” На то, чтобы хотя бы в общих чертах приспособиться к жизни на военном корабле, у меня ушло много времени...»

Позволю себе предположить, однако, что вот эти «несколько дней без дяди Мориса» – едва ли не самые непростые в жизни Нельсона. Серьезное испытание для юного Горацио, а для нас – возможность посмотреть на мир, в котором он оказался. Не на то, что можно увидеть за несколько дней, а в перспективе. Все, что относится к повседневной жизни флота. Нельсон хоть и не начинал с низов, но в тонкости жизни этих «низов» вникал с самого начала карьеры. И первое, что заслужил, – уважение. А мы попробуем представить себе атмосферу, в которую попал 12-летний мальчик.

...Запах! Первое, что получал каждый, кто оказывался на корабле, не на палубе, а чуть ниже, – мощный удар в нос. Конечно, в те времена люди были менее чувствительны к неприятным ароматам, но даже для них «корабельная смесь» – серьезное испытание.

Иногда морякам, а офицерам чаще, давали свежее мясо. «Мясо» плавало на корабле. Козы, овцы, свиньи, даже коровы. Еще – птицы. Куры, гуси. Все на борту, в небольших отсеках. Забивали их «на месте».

Особая «нотка» – аромат отвариваемой в котлах солонины. Добавляем едкий запах пота, немытых тел, смолы, смазки... Когда в море оружейные порты были закрыты (таково правило), можно было дышать полной грудью. Всем этим.

Маленький Горацио вдохнул – и понял, что попал в совершенно новый мир. Люди вокруг него даже говорили на другом языке. Дело даже не в сугубо морских терминах, их ему

еще предстояло освоить. Есть еще и корабельный жаргон.

Горацио уже знал, что корабельную кухню называют камбузом, только оказалось, что никто ее так не называет. «Чистилище», «царство скверны»... Как-то нехорошо. Без любви, прямо скажем. Впрочем, когда мы узнаем, чем и как кормили матросов, подобное отношение станет понятным.

Худшее из блюд – потаж. Когда припасы заканчивались, в котел бросали все, что осталось. Червивое мясо, испортившуюся солонину, галеты с личинками. Иногда даже крыс. Какое-никакое, а мясо. Отвратительное варево имело мерзкий цвет, а про вкус и говорить не стоит.

Потаж, впрочем, крайность. С давних времен адмиралы и капитаны усвоили простую истину – «голодный моряк – плохой моряк». В отношении британских моряков правило, можно сказать, системообразующее. Еще в XVII веке секретарь Адмиралтейства писал: *«Всегда нужно помнить, что англичане, особенно моряки, более всего на свете любят свой живот и заботятся о нем».*

Так что до наступления «времени потажа» кормили моряков хоть и не разнообразно, но – плотно. Существовал некий «примерный недельный рацион». Вот как он выглядел в 1800 году.

Начнем с главного, спиртного. 1 галлон пива (примерно 4,5 литра), или пинта (около 600 грамм) вина, разбавленного в пропорции 7 к 1, или рома в пропорции 15 к 1. Килограмм говядины (с вариациями с салом или солониной), полкило

хлеба. Все – в неделю. Разные комбинации бобовых, муки, круп, масла. Уже мелочи.

Конечно, в походе «пропорции» соблюдать было сложно, потому отметим то, что в рационе имелось практически всегда. Знаменитые сухари, их называли «твердым галсом», в отличие от «мягкого», хлеба. И, разумеется, солонина.

Стандартное блюдо – нечто среднее между супом и кашей. Похлебка из солонины и какой-то крупы. С добавлением гороха, бобов. Корабельные повара, коки, люди неуважаемой на корабле профессии, иногда проявляли фантазию. Знаете, что называли «собачьим пирожным»? Смесь из толченых сухарей, сала и сахара, разбавленную водой. Невкусно? А шло на ура.

Любимый напиток? Грог, разумеется. Чистый ром, разбавленный кипятком, с добавлением сахара и лимона. Считается, что грог изобрел в середине XVIII века адмирал Эдвард Вернон. Его корабль возвращался из плавания, плыть было еще долго, запасы рома заканчивались, вот Вернон и предложил разбавлять его оригинальным способом. Матросы поначалу роптали, а потом – понравилось. «Лишняя порция» грога стала самой распространенной наградой отличившемуся матросу.

Особо следует отметить один из компонентов легендарного напитка, лимон. Цинга – настоящий бич для моряков, ведь свежих фруктов и овощей в их рационе не было. Также в середине XVIII столетия флотский врач Джеймс Линд при-

думал отличный рецепт от цинги. Лимоны! Очень скоро их стали солить – и хранились долго, и помогали прекрасно. Не только в борьбе с цингой. Впоследствии Нельсон, всегда внимательно следивший за здоровьем своих матросов, станет ярым приверженцем лимонов. В августе 1796 года он напишет адмиралу Джервису несколько жалоб по поводу качества лимонов. И добьется своего.

С плохой едой жить еще как-то можно, куда сложнее – с плохой водой. Проблема питьевой воды – едва ли не основная в эпоху парусных судов. Вода хранилась в деревянных бочках и за пару месяцев плавания превращалась в какую-то жижу, а сами бочки становились рассадниками грибка и бактерий. «Битва за воду» была очень продолжительной, и лишь к середине XIX века, с появлением оцинкованных железных баков, она закончилась. А до того... Что только не делали!

Офицеры, например, воду в чистом виде практически не употребляли. Почти всегда – разбавленную алкоголем. Матросы себе подобной роскоши позволить не могли. В воду добавляли уксус, что не сильно помогало, а лимоны оказались более эффективными, да и на вкус приятнее. В целом, впрочем, с водой ситуация во времена Нельсона была непростой, потому все так сильно радовались дождю.

Дождь – возможность и водички хорошей попить, и помыться естественным образом. С гигиеной дела обстояли так себе, хотя гораздо лучше, чем на французских кораблях. Наполеон, «путешествовавший» на Святую Елену на британ-

ских судах, был просто поражен «порядком и чистотой». А все дело в том, что англичане не просто морская нация, но еще и люди, которые хорошо учились на собственных ошибках.

Корабль – это большое количество людей в ограниченном, замкнутом пространстве. Чем он чище, тем меньше люди болеют. Палубы мыли ежедневно, тщательно. Дважды в день, в 8.30 и 12.30. Скребли «от души», за этим строго следили. Борьба за чистоту отвлекала и от безделья, и от ненужных стычек. Полезно во всех отношениях! Маленькому Горацио драить палубу тоже пришлось.

Одежду – в обязательном порядке – стирали дважды в неделю. Стирали, правда, не мылом, а обычно с помощью... своеобразного раствора, состоявшего из выпаренной мочи (для получения аммиака) и морской воды. Подручные средства с хорошей эффективностью. Впрочем, чаще всего обходились одной водой.

Морис Саклинг как-то написал юному Нельсону письмо со специальными наставлениями относительно «порядка и чистоты». Вот один из пунктов: *«Недопустимо, чтобы на снастях корабля находились личные вещи или чтобы во время стоянки в порту на швартовочных канатах было что-либо развешано. Исключение составляют постирочные дни и случаи дождливой погоды. Так, в первый солнечный день после ненастья может быть сделано исключение как из первой, так и второй части правила – белье может быть вы-*

сушено на нижних палубах. При этом офицер должен проследить, чтобы у каждого матроса был комплект сухого белья, а помещения корабля после сушки должны быть окурены. Окуривание корабля также надлежит производить после шторма».

Это ведь не «пожелание», правила выполнялись всегда, за исключением экстренных ситуаций. А письмо Саклинга еще и отличный пример того, что дядя Морис не просто способствовал продвижению племянника по служебной лестнице, он его еще и учил, наставлял. Причем постоянно.

Еще немного о чистоте. «Специальной обработке» подвергали новичков. Они проходили медицинский осмотр, их брили, проверяли одежду. Спали матросы на всех кораблях того времени в невероятной тесноте, в гамаках, называвшихся «подвесными койками». Однако французам на двоих полагалась одна койка (спали ведь посменно), а у англичан была своя у каждого.

В теме гигиены не обойтись и без деликатного вопроса. Туалеты. Или, на морском жаргоне, галюны. Все мы по фильмам помним, что нос парусного корабля украшала резная фигура. Иногда – настоящее произведение искусства. Но мало кто знает, что практически рядом с этой красотой находились туалеты для экипажа и пассажиров.

Места не очень комфортные и весьма небезопасные. Во время сильной качки легко можно было оказаться за бортом. Желających нарушить предписанные правила всегда хватало.

Но на английских кораблях нарушителей карали жесточайшим образом, так что и здесь наблюдался относительный порядок.

Туалеты для офицеров располагались в кормовой части и были вполне комфортными. Завидовать можно, посещать – нельзя ни в коем случае.

А за соблюдением правил гигиены строго следили корабельные врачи. Сильно отличавшиеся от тех медиков, что служили в армии. Врачи в армии – это, как правило, хирурги, причем разной квалификации. Военно-морской врач должен был знать и уметь все.

Именно поэтому кандидаты на должность проходили специальную подготовку. Три года. Курсы по фармакологии, анатомии. Уход за больными в госпиталях. Строжайший экзамен, включавший «практические задания». После его сдачи врачу выдавали список обязательных хирургических инструментов и обязательных лекарств. Покупать приходилось за свой счет.

На корабле врач – фигура наиважнейшая, ему полагалась отдельная каюта. Врачи, по распоряжению Адмиралтейства, вели специальные медицинские дневники. По сути – ценнейший материал, которым впоследствии пользовались не только медики, но и историки.

Некоторые из врачей шли на небольшую хитрость. Брали из дневников наиболее интересные материалы, разбавляли их собственными воспоминаниями и издавали в виде мемуа-

ров. Так поступит Уильям Битти, корабельный врач флага на «Виктори», свидетель смерти Нельсона. Его книга пользовалась необыкновенной популярностью и принесла автору солидный доход.

Лечить врачам приходилось не только больных и раненых, но и тех, кто получил «телесное наказание». Юный Горацио Нельсон до приезда капитана Саклинга успел дважды побыть свидетелем этой процедуры. Из чего мы можем сделать простой вывод – телесные наказания на флоте тех времен нечто совершенно обыденное. Так и есть.

Французы называли попавших к ним в плен английских матросов «тиграми». Не за какую-то там свирепость, а потому, что спины у большинства из них «украшали полосы» в виде шрамов и рубцов. Следы от ударов плетью! Вообще-то система наказаний была довольно разнообразной, но мы остановимся на самом распространенном.

Если вы видели прекрасный фильм «Хозяин морей» с Расселом Кроу в главной роли, то наверняка вспомните сцену наказания плетью. 12 ударов по приговору. Это стандартное наказание. С 1806 года – максимум, к которому мог «приговорить» капитан. Правило совсем не из тех, что строго соблюдались. Здесь многое зависело как раз от капитана. Среди них было немало «жестких поборников дисциплины», а то и просто жестоких людей.

Наказывал ли матросов Нельсон? Разумеется. После того как французы, почти в самом начале революции, отменили

телесные наказания на флоте, и в Англии стали звучать призывы к установлению «демократических порядков» в армии и на флоте. Нельсон, как, кстати, и Веллингтон, был противником отмены веками складывавшейся системы.

Однако Нельсон старался наказывать только «по делу», и этого оказалось достаточно для того, чтобы считаться справедливым. Но поддерживать дисциплину без помощи печально знаменитой «девятихвостой кошки» Нельсон, как и все капитаны, считал невозможным. Заметим, что удар «кошкой», некой конструкции из веревок с узлами, совсем не то, что обычной розгой в армии. Некоторые эксперты считают, что 12 ударов «кошкой» на море практически равны сотне на суше.

Ограничимся тем, что признаем – наказание жестокое и действительно широко распространенное. Всегда – наглядное. Чтобы знали, чтобы помнили. Про мелочи вроде кулаков боцманов, частенько пускавшихся в ход, даже упоминать не стоит.

«Тигры»... Снова вспомним фильмы. Выглядели английские матросы просто как какой-то сброд. На голове – платки, рваные шляпы. Одеты – кто во что. Трудно в это поверить, но до середины XIX века у них не было униформы. У офицеров-то она появилась только в 1748 году!

Матросы начинали службу в своей одежде. Постепенно она заменялась покупной. Единообразие? Если капитан делал централизованную закупку, то что-то похожее могло

быть. Но такое происходило крайне редко. Некоторые капитаны пытались вводить хотя бы стандартную форму головного убора. В виде шляпы, на которой даже писалось название корабля. Тоже редкость.

Большинство матросов, на службе или в бою, предпочитало повязывать платок. Чаще всего красного цвета. Многие обзаводились короткой курткой «без хвостов», обычно синего цвета с двумя рядами латунных пуговиц. Рубашки белые, штаны или белые, или полосатые. Повторю – никакого единообразия не было.

...В необычный мир попал 12-летний Горацио Нельсон. *«Никак не мог я взять в толк, где я оказался... Может, среди духов и демонов?»* Капитана Саклинга все нет и нет. Сколько дней провел на борту «Ризонэбла» Горацио без своего дяди? Пять? Семь?

До него никому нет дела. Спал он в мичманской каюте, а кем был днем? Наверное, кем-то вроде юнги. Делал все. Паруса поднимал, учился тушить пожар, взбирался на реи. Что это такое? Узнаем со временем.

О, про время нужно сказать отдельно. На корабле оно измеряется не в часах, а в *вахтах*. В каждой по четыре часа, за исключением двух полувахт – с четырех пополудни (16.00) до шести и с шести до восьми. В песочных часах – песка на полчаса. Называются они *склянка*. Как только вахтенный матрос переворачивает ее, звучит удар корабельного колокола. Восемь ударов – и вахта закончилась. Особое наказание

для офицера — двухвахтное дежурство. Так называемые *ходовые* вахты отличаются от *стояночных*, но в подобные тонкости мы уже вникать не будем.

...Наступил день, и за Нельсоном пришел дежурный офицер. Морис Саклинг прибыл на корабль. Горацио отвели в светлую и просторную капитанскую каюту.

Глава третья

Мичман

На кораблях Королевского флота служило много мальчишек. Существовало утвержденное Адмиралтейством ограничение по возрасту, с 13 лет. Нельсону было 12, но он попадал под исключение из правил. С 11 на флот брали тех, кто происходил из «морской» семьи. Саклинг решил вопрос просто – раз я его дядя, кто может утверждать, что он не из морской семьи?

Надо признать, что правила, вообще-то, соблюдались совсем не строго. На корабли мальчишки попадали и в 10, и в 9 лет. На парусных судах тех времен это распространенная во всем мире практика. К примеру, на английском боевом корабле с экипажем в 500 человек мальчишек в возрасте от 9 до 14 лет могло быть до полусотни.

Прочитавший пару «морских романов» человек может предположить, что большинство из них – *юнги*. Хотя бы потому, что слово знакомое, но иерархия на флоте довольно сложная. Теоретически юнги – самая низшая ее ступень, однако даже у юнг – разный статус.

Английский флот тех времен не был столь сильно подвержен «социальным предрассудкам», как армия, однако без них тоже не обошлось. Довольно часто можно встретить утверждение, что на флоте существовало деление на

«джентльменов», то есть выходцев из благородных семей, и «неджентльменов», тех, кто не мог похвастаться хорошей генеалогией. Вроде и правда, только уж слишком упрощенная.

В категории «джентльменов» в основном все же на флоте был представлен средний класс. Дети служащих, священников (как сам Нельсон), разумеется – морских офицеров, а также тех, кого именуют «сельской знатью». Людей не сильно благородных, но достигших определенного положения. Условно – как те же Саклинги. Так что происхождение свою роль играло, не такую сильную, как в армии, но некое «разделение» имело место.

Взять, например, тех же юнг. Юнги «безродные», то есть попавшие на флот либо случайно, либо просто по бедности, действительно оказывались в самом что ни на есть низу. Занимались тяжелой, грязной или бестолковой работой. Особая категория – так называемые «пороховые обезьянки» (powder monkey). Этих отбирали специально. Маленьких, худых, юрких. Они приносили пороховые заряды из крюйт-камеры, где они хранились, к пушкам. Идти (и быстро) приходилось по узким коридорам, требовалась особая ловкость. Вот для чего идеально подходили «пороховые обезьянки». Однако эволюционировать из «обезьянок» можно было разве что в матросы.

Другое дело – мальчики, попавшие в юнги из «хороших» семей. Они скорее ученики. Во время аврала и им приходится несладко, но в целом – жизнь достаточно комфорт-

ная. Выполняют функции вестовых, помощников мичмана. Их обучают работе с картами и навигационными приборами, словом – они уже одной ногой на первой ступеньке в карьерной лестнице.

По идее – Нельсон должен был оказаться в рядах *таких юнг*, только дядя Морис сразу записал его *мичманом*. Снова легкое отступление от правил, но Морис Саклинг мог себе его позволить. Срок службы на флоте – вещь наиважнейшая, и капитан Саклинг соответствующую запись датировал 1 января 1771 года. Задним числом, но отсчет – пошел.

Мичман... Первый, кому *уже* полагалось иметь униформу. Скромную. Однобортный камзол синего цвета, из украшений – только пуговицы да белая нашивка на воротнике. Белые брюки, белые чулки.

«Движение вверх» сопровождалось изменением количества и качества пуговиц, появлением галунов и эполет. Говорят, что Нельсон был противником эполет, считал их «ненужной роскошью», но устав есть устав. Форма становилась все более и более дорогой. Материал – обязательно высокого качества, шитье – ручное с большим количеством позолоты. Поиздержавшиеся офицеры в «трудные дни» относили мундиры в ломбард на время, их там с охотой принимали. Нельсон такого никогда не делал, хотя «трудные дни» случались и в его жизни.

Мичман... Правильнее всего сказать – это *кандидат в офицеры*. А в обиходе *мичманами* называли многих, вклю-

чая капитанских слуг, но чаще всего – как раз молодых джентльменов, претендовавших со временем на звание лейтенанта. Для них имелись и особые прозвища – youngsters («младшенькие») или обидное snotty («сопляки»). Стать офицером мог далеко не каждый «соплек». Некоторые оставались в мичманах лет до 50, а то и больше. Справедливости ради отметим, что такое случалось, как правило, с выходцами из низов.

У мичманов из «хороших» или «морских» семей перспективы, конечно, неплохие. В случае аврала и они могли поработать как матросы, но вообще – даже жили в отдельной, мичманской каюте. Что самое важное – проходили *обучение*.

Настоящий английский подход. Хотя в Англии еще с 1733 года существовала Королевская военно-морская академия, но обучение в ней считалось совсем не таким престижным, как реальная школа жизни на кораблях. Настоящая учеба – только там.

Мичман Горацио Нельсон очень хотел учиться, особенно – у своего дяди. «Ризонэбл» готовили к войне с Испанией, а война-то и не началась. Без корабля Морис Саклинг не остался, он получил под командование другое судно, 74-пушечный «Триумф», вот только задачи теперь были совсем не амбициозными. Ну что такое патрулирование устья Темзы?

Саклинг намеревался сделать из племянника настоящего моряка. Связей у него хватало, и он легко договорился со своим старым знакомым капитаном Ратборном о времен-

ном переходе на судно, принадлежавшее старинной торговой компании. В свое первое плавание Горацио Нельсон отправился не на военном, а на торговом корабле.

Дисциплина здесь не такая строгая, море – одинаковое для всех. Первый переход через Атлантику – и первый, жесточайший приступ морской болезни. Чтобы больше не возвращаться к этой теме, скажу – от приступов постыдной для моряка болезни Нельсон так и не избавится. Но! Он научится с ней более-менее справляться. Со временем страдать от нее Нельсон будет действительно только при «сильном ветре». И плохое самочувствие достаточно умело скрывать.

В любом случае юный Горацио побыл «моряком синей воды». То есть плавал в океане, хоть и на торговом судне. Капитан Ратборн относился к мальчику с большой симпатией и многому его научил, только Ратборн был ярким противником порядков, царивших в Королевском военно-морском флоте.

При любом удобном случае он рассказывал Нельсону о разного рода «несправедливостях». Много ли нужно для неокрепшего ума? В Англию, к дяде, Горацио вернулся «сомневающимся», но сомневался, к счастью, недолго.

Морис Саклинг был очень хорошим психологом. Перемену в настроениях он заметил, сплеча рубить не стал. Как же все-таки Нельсону повезло с дядей!

Саклинг увидел, что работа вестового не нравится Горацио, и вызвал его для разговора. Хочешь хорошо изучить навигацию? Поплавай на катерах и баркасах, еще и коман-

довать будешь. Для мальчишки-мичмана звучит очень вдохновляюще.

«Со временем я стал неплохим штурманом подобных судов и, чувствуя себя как рыба в воде, среди скал и мелей, ходил от Чатема до лондонского Тауэра и вдоль побережья Кента, что в дальнейшем сослужило мне добрую службу». Все правильно делал дядя Морис. Капитан Саклинг знал, что в мальчишке обязательно должна жить мечта, и следующий его шаг эту мысль полностью подтверждает.

Войны нет, хочется хотя бы приключений. С осени 1772-го юных офицеров будоражат слухи о том, что готовится полярная экспедиция. Организует ее Королевское научное общество, задачи довольно простые. Можно ли в летнее время плавать за полярным кругом, есть ли новый «северный морской путь»?

Для экспедиции снарядили два небольших корабля, «Каркас» и «Рейсхорз», главой ее назначили 29-летнего капитана Константина Фиппса, старшего сына лорда Малгрейва. Человека очень влиятельного, в будущем – первого лорда Адмиралтейства и министра иностранных дел в правительстве Питта Младшего. Сам Фиппс благодаря поддержке отца уже был членом парламента, словом, к экспедиции относились очень серьезно.

Попасть в ее состав – дело крайне непростое, к тому же Адмиралтейство запретило брать на борт кораблей подростков. Горацио же буквально одержим идеей: *«Хоть рулевым,*

хоть матросом!» Сам Нельсон утверждал впоследствии, что это он уговорил капитана Лютвиджа «сделать исключение». Полагаю, что и здесь без помощи Мориса Саклинга не обошлось. В любом случае летом 1773 года экспедиция отправилась в путь, с 14-летним Горацио Нельсоном на борту «Каркаса».

...Закончилось все, выражаясь деликатно, неудачей. Что не сильно повлияло на карьеру Фиппса, а тем более Нельсона. Приключение есть приключение, и приятные воспоминания остались. Осталась и еще одна история из серии «Нельсон никогда и никого не боялся».

«...И тут я заметил юного Нельсона, на льду, довольно далеко. Он был вооружен лишь одним мушкетом и преследовал огромного медведя...» По словам другого очевидца, охотников было двое, причем напарник убеждал Горацио прекратить погоню. Как они смогли разглядеть «процесс убеждения» с довольно большого расстояния (это подтверждают все), непонятно.

В 1806 году популярный художник Ричард Уэстолл написал картину «Нельсон и медведь». Там юный мичман вообще собирается прикончить огромного белого медведя с помощью всего лишь мушкетного приклада.

Доподлинно известно, что капитан «Каркаса» Лютвидж строго отчитал мичмана Нельсона за безрассудство. На что Нельсон якобы ответил: *«Я всего лишь хотел подарить шкуру своему отцу».*

Оставим в стороне красочные детали. Лютвидж о какой-то «истории с медведем» говорил, а она кое-что говорит нам о Нельсоне. Даже дает повод порассуждать.

Эпоха Наполеоновских войн подарила Англии двух популярных национальных героев, Веллингтона и Нельсона. Возможно – самых популярных, до появления Черчилля – точно. Одно и то же время, два абсолютно разных человека. Встретятся они лишь раз в жизни, и об этой встрече мы еще поговорим. Очень показательное событие.

Сравнивать Нельсона и Веллингтона я не буду, но одно соображение мне представляется крайне важным.

Артур Уэлсли, будущий Железный герцог, решает связать свою судьбу с армией, и все, чего он *хочет*, – стать *генералом*. Горацио Нельсон выбирает карьеру морского офицера и *мечтает* стать *героем*. Веллингтона геройство раздражало. Храбрость, стойкость, решительность? Да, ценил. Но геройство ради геройства? Риск, не являющийся необходимым? Его мало что могло вывести из себя, но подвиги такого рода – гарантированно.

Нельсон – человек, для которого безрассудные поступки практически норма жизни. Героями, может, хотели быть многие, но Нельсон не только *геройствовал*, но и делал все для того, чтобы его воспринимали именно как героя.

Есть популярная история о некоем *озарении*. Снизойшло оно на великого адмирала в 1776 году.

...Нельсон только вернулся из бесславной полярной экс-

педиции, а дядя Морис уже позаботился о новом назначении, на 20-пушечный фрегат «Сихорс», отправлявшийся в Индию. Поход продлится достаточно долго, много всего произойдет. И пороха Нельсон успеет понюхать, и навсегда за речь играть в карты. Нет, он не проигрался, а наоборот – выиграл, причем весьма значительную сумму. Только потом впечатлительный Горацио задумался, а если бы он все же проиграл эти 300 фунтов? Огромные по тем временам деньги, даже не для мичмана, для состоятельного человека. Мысль повергла Нельсона в ужас, с азартными играми он закончил.

Воля у него и впрямь была несокрушимая, а здоровье подводило. Нельсон впервые заболевает малярией, эта хворь еще не раз к нему прицепится. Болел Горацио тяжело, и его решили отправить домой, в Англию, на корабле «Дельфин». «Дельфин» попадал в один шторм за другим, к малярии добавились морская болезнь и депрессия.

«Однажды мне вдруг показалось, что я не преуспею в своей профессии. Мой разум пугали те трудности, которые мне предстояло преодолеть, а вера в собственные силы была еще слишком слаба. Я не видел пути, идя по которому сумел бы достичь цели и реализовать свои стремления. После долгих и безрадостных раздумий, когда я уже готов был броситься за борт, свет патриотизма молнией озарил все вокруг, и король и отечество предстали перед моим мысленным взором, обещая свое покровительство. Мой разум воз-

ликовал, и я воскликнул: «Тогда я стану героем и, доверившись Провидению, брошу вызов каким бы то ни было опасностям!»»

До чего же высокопарно, да? Вполне в стиле Нельсона. Знаете, что удивительно? Он был едва ли не единственным в Англии человеком, который мог сказать нечто подобное и не стать предметом насмешек.

Не то чтобы все ему верили, но он не раздражал. Офицеров флота – точно. Серьезное достижение, на мой взгляд.

Случилось ли «озарение» на самом деле? Мы не знаем. Верить или не верить Нельсону? Для этого нужно знать или хотя бы *понимать* Горацио Нельсона.

Историю про «озарение» он рассказывал часто, какими-то «живописными деталями» она обростала, но в «основных моментах» он никогда не путался. Наполеон вот придумал некую каноническую версию своего знакомства с Жозефиной и постоянно ее повторял. Он уже и сам в нее верил.

С Нельсоном все сложнее. Человек он романтического склада и очень эмоциональный. К тому же момент действительно был критическим, почти все на «Дельфине» считали, что до Англии мичман Нельсон не доплывет. Я вполне допускаю, что в горячечном бреде нечто подобное могло случиться.

Вопрос-то в другом. Точка отсчета не столь важна. Нельсон поверил в *себя*. В особую *миссию*. В то, что самим Провидением ему предназначено стать *героем*.

Вот во что готов поверить и я. Все, что случилось в дальнейшем, поведение Нельсона, его поступки дают немало оснований для этого. Есть и еще одна принципиально важная вещь. Знаменитый писатель Джозеф Конрад, который много лет провел на море, сказал: *«Нельсон превратил героизм в долг»*.

Очень тонко и точно! Долг – не просто одно из любимых слов адмирала. В его понимании «долг» подразумевает, что героизм – нечто само собой разумеющееся. То, что Веллингтон бы посчитал «необдуманным», для Нельсона – совершенно естественно. Это действительно вызывает восхищение. Нельсон стал *героем нации* еще до Трафальгара. В годы войны Англия отчаянно нуждалась в героях, и Нельсон, надо признать, как никто другой, подходил к этой роли.

Он и был героем, и никогда не забывал *напоминать* об этом. О чем говорить, если Нельсон даже полученные им в боях увечья умело использовал для поддержания героического образа. Однажды его корабль задержали на Балтике, и во время проведения опознания Нельсон продемонстрировал пустой рукав: *«Видите мою руку? Я – лорд Нельсон!»*

Нельсон всегда находил время для участия в торжественных церемониях, любил давать интервью, про разного рода эффектные жесты и говорить нечего. Мастер! И никому не приходило в голову посмеиваться. Нет «разрыва между формой и содержанием»!

Нельсон был одержим славой. Сам признавался, и не раз.

Он искал ее и легко бросался навстречу любой опасности. Что им руководило? Отчаянная храбрость или вера в Провидение? Да нам-то сейчас какая разница!

Нельсон – один из самых необычных *героев* в истории. Поэтому я и счел необходимым сделать отступление про «геройство». Дальше делать собственные выводы будет проще.

...Мичман Горацио Нельсон. Напрасно офицеры «Дельфина» сомневались в его жизнеспособности. Он доплыл до Англии. Узнал, что его дядя Морис Саклинг стал ни много ни мало главным инспектором Королевского флота. Одна из высших должностей!

Горацио Нельсон не имеет офицерского чина? Дядя Морис определяет его четвертым лейтенантом на линейный корабль «Вустер». Кому еще нарушать правила, если не тому, кто следит за их исполнением? В 18 лет Нельсон в качестве вахтенного офицера *уже* руководит кораблем. *«Капитан Робинсон, характеризуя меня, отмечал: “Он чувствует себя в моем присутствии столь же свободно, как и любой другой офицер на корабле”».*

Опять Нельсон себя похвалил! Он любил и умел это делать. Однако пришла пора сдать экзамен на получение звание лейтенанта.

Что, по молодости ему еще не положено сделать это в «общем порядке», требуется достичь 20 лет? Пусть решает комиссия. Несколько джентльменов, заседающих в отдельной комнате в здании Адмиралтейства.

Горацио Нельсон предстал перед ними 9 апреля 1777 года. Бледный, со следами перенесенной болезни на лице. Говорит высоким голосом, норфолкский акцент до сих пор чувствуется. Вопросы – по математике и навигации. Отвечает уверенно. На председателя комиссии смотрит без страха. А председатель-то... Ну конечно, главный инспектор флота Морис Саклинг!

Саклинг сделал вид, что не знает молодого человека. Только после того, как экзамен успешно для Нельсона закончился, он рассказал про свое родство. Так гласит легенда. По легенде же, Саклинг заявил, что *«не хотел для этого малого никаких поблажек»*. Разумеется, дядя Морис. И правило «возрастного ценза» никто не нарушал. Хотя признаем, что для «малого» с шестилетним опытом плавания экзамен и правда был несложным.

Пребывающий в полном восторге лейтенант Нельсон пишет брату Уильяму, который учится в Кембридже: *«Теперь я предоставлен самому себе. Надеюсь преуспеть, чтобы и тебе, и моим друзьям, и мне самому было чем гордиться»*.

Где новое назначение, дядя Морис?

Глава четвертая

И снова о пользе протекционизма

Горацио Нельсон очень любил позировать художникам. Можно назвать это слабостью. Зато у нас есть масса портретов великого адмирала, в том числе – первый. Тот, что сейчас хранится в Национальном морском музее.

Как почти все, что связано с именем Нельсона, портрет, что называется, «с историей». Согласно одной из версий, Нельсон сам заказал его художнику Джону Ригу вскоре после того, как стал лейтенантом. Где-то в начале 1778 года. Позировал примерно в то же время. Однако портрет будет датирован 1781 годом, и на нем Нельсон уже в форме капитана. Говорят, что проведенная экспертиза позволила обнаружить и первоначальный набросок, и два Нельсона – просто небо и земля.

В любом случае это один из немногих портретов, на котором Нельсон и с рукой, и с глазом. А в период между наброском и окончательным вариантом действительно много чего произошло.

...Назначение? Его лейтенант Нельсон получил на следующий день после того, как сдал экзамен. Кто поспособствовал – вы уже и так догадались. Жить Морису Саклингу осталось совсем недолго, так что давайте в последний раз отметим его роль.

Сказать, что она огромна, значит не сказать ничего. Беру на себя смелость утверждать, что, если бы не покровительство дяди, Нельсон с очень высокой степенью вероятности в великого Нельсона не превратился бы. Он мог бы сколько угодно рассуждать о Провидении, но вот очень наглядный пример.

Когда Горацио Нельсон фактически умирал на «Дельфине», кто его спасал? Провидение? Само собой. Только капитан Пигот, который когда-то плавал с Морисом Саклингом, приказал сделать все, чтобы спасти юношу. Врач почти не выходил из его каюты, он получил самый лучший уход. Решайте сами, но без «руки Саклинга» и здесь не обошлось.

А пресловутые назначения? Их ведь ждали годами, пока ждешь – мало ли что может случиться. Нельсону вообще ждать не приходилось, обо всем заботился дядя Морис. В армии офицерский патент можно купить, на флоте правила другие. Куча бюрократических проволочек! Сумел бы Нельсон, при всех его талантах, справиться с ними? Без помощи дяди Мориса? Сильно сомневаюсь.

Однако я еще раз подчеркну, покровительство Саклинга – особого рода. Уж он-то прекрасно понимал, в чем заключается другое, принципиальное отличие между армией и флотом. Вышеупомянутые «бюрократические проволочки» возникли ведь не на пустом месте.

Система! Купивший патент армейский офицер получал командование над людьми, не имея никакого опыта. Как пра-

вило, вообще никакого. На флоте звание получаешь, только *приобретая необходимый опыт*. Проще говоря, в армии наверх продвигались богатые и родовитые, на флоте все же достойные. Здесь овладеть профессией – обязательное и непрерывное условие.

Смотрите, что делал Саклинг. С каждым новым назначением он давал своему племяннику возможность учиться. Постепенно и всему. На «Ризонэбле» он увидел, как устроена флотская жизнь. И жил ею без малейших поблажек. Затем он отправил Горацио на торговый корабль. Порядки здесь не такие строгие, но заниматься приходится всем подряд. Дальше – баркасы, проводящие большие корабли в устье Темзы. Азы штурманского дела! И так далее, и так далее.

Он продвигал Горацио, на флоте, как и в армии, без протекционизма – никак. Однако Морис Саклинг и готовил его. Думаете, сдать экзамен на лейтенанта просто? Многие его не выдерживали, оставались в мичманах до седых волос. И, напомним, в школе Нельсон проучился недолго и в успехах в математике замечен не был. А экзамен сдал прекрасно, пусть дядя и возглавлял комиссию. Другие ее члены подтверждают. Нельсон прошел отличный курс самообразования. Дядя Морис и об этом позаботился.

Нет подходящих слов для того, чтобы оценить вклад капитана Саклинга в жизнь и судьбу адмирала Нельсона. Нам всем просто стоит поблагодарить Мориса Саклинга. За Нельсона.

...Новоиспеченный лейтенант Горацио Нельсон очень хотел повоевать. Такая возможность у него уже имелась. В Северной Америке шла Война за независимость. Не очень славная, но вполне подходящее место для начала похода за славой. Последняя протекция от Мориса Саклинга – Нельсон попадает в команду фрегата «Ловестов», готовящегося к отправке в Вест-Индию. На необычную войну.

Она действительно выглядела довольно странной, эта война. Своего военного флота у восставших американских колонистов практически не было, они в первую очередь рассчитывали на помощь Франции, традиционного врага англичан. Франция вступит в войну летом 1778 года, год спустя – Испания. Однако и французские, и испанские корабли появились в Карибском море гораздо раньше. «Необъявленная война» – отличная возможность заработать. Для всех, включая и англичан.

Что сразу сделало правительство Британии? Ввело блокаду американских портов. Что делают военные корабли? В основном перехватывают торговые суда. Получая подчас огромные призовые деньги. Так что попасть на корабль, отплывающий в Вест-Индию, мечта любого английского моряка. Нельсон оказался на «Ловестове» с «подачи» Саклинга и, как обычно это и происходило, сумел многому научиться.

В первую очередь – благодаря капитану корабля Уильяму Локеру. Локер – настоящий морской волк. Высокий, очень физически крепкий, с лицом, испещренным шрамами. В Се-

милетную войну он получил ранение в ногу в одном из сражений и с тех пор прихрамывал. В общем, «канонический образ» офицера флота Его Величества. Жизнерадостный, отчаянно храбрый.

Однажды во главе абордажного отряда Локер захватил французский каперский корабль, численность команды которого вдвое превосходила его команду. Король абордажа! Прославился высказыванием: «Подойди к французу поближе, и он твой!» При этом Локер дружил со многими известными художниками, интересовался искусством, и именно «суровый капитан» стал инициатором создания галереи морской живописи в Гринвиче, которая со временем превратится в знаменитый Морской музей.

В общем, Горацио Нельсону в очередной раз повезло. Локер очень привязался к молодому лейтенанту, особенно после случая, о котором тоже обязательно рассказывают в любой книге о Нельсоне.

«Во время моей службы на фрегате произошел эпизод, во многом показательный для моего характера. И поскольку ничего постыдного для его участников в нем нет, я поведаю о нем».

Скромн. Как всегда – необыкновенно скромн. Других не обидел, себя – выделил. Дело было так. «Ловестов» преследовал американские каперы. Частные суда с вооруженной командой, а иногда и с некоторым количеством пушек.

«Когда фрегат захватил американское каперское судно,

штормило и море сильно волновалось. Первый лейтенант получил приказ подняться на судно, однако из-за высокой волны не смог его выполнить. Когда он ни с чем вернулся на фрегат, капитан Локер воскликнул: “Неужели на моем корабле не найдется офицера, который сможет довести дело до конца?” Штурман фрегата, намереваясь спуститься в шлюпку, побежал к сходням, но со словами: “Сейчас моя очередь, а вот если я вернусь ни с чем, тогда будет ваша” – я остановил его. Позже я часто вспоминал это маленькое происшествие. Знаю, что это в моем характере: трудности и опасности заставляют меня собраться и во что бы то ни стало преодолеть их».

Нельсон, каков он есть. Свои большие и маленькие подвиги объяснял исключительно характером. И ведь правда, характером его Бог наградил неустрашимым. То, что он сам постоянно вспоминал про свой характер... Нельсон – настоящий моряк. А моряк, который не любит и не умеет хвастаться, не моряк, а так, недоразумение какое-то.

...Вся команда наблюдала за тем, как шлюпку бросало на волнах. Впечатляло!! Нельсон сумел подняться на борт американского капера и стал любимцем Локера. Точнее даже – другом, несмотря на большую (27 лет) разницу в возрасте. «...Вы научили меня, как брать французов на abordаж. В чем моя единственная заслуга? Лишь в том, что я оказался хорошим учеником. Только смерть может положить конец нашей дружбе».

...Летом 1778 года Нельсон узнал о смерти своего дяди Мориса Саклинга. Он разрыдался – и правильно. Другому своему дяде, Уильяму Саклингу, он написал: *«Безмерно жалею о том, что не был у смертного одра своего дяди. Но мне кажется, оказись я там, он бы сказал мне: “Мой мальчик! Я оставляю тебя своей стране. Служи ей верно – и она никогда не оставит тебя!”»*

У него появятся и новые покровители. Капитан Локер познакомит Нельсона с контр-адмиралом Питером Паркером, назначенным командующим флотом на Ямайке. Паркер и его жена были буквально очарованы молодым лейтенантом. Нельсон стал частым гостем в их доме, любимцем адмирала. Отношения между ними вполне можно назвать и дружескими, и снова – несмотря на огромную разницу в возрасте. Именно адмирал Паркер будет одним из главных организаторов церемонии похорон Нельсона, в 80 с лишним лет!

«Вскоре после прибытия на Ямайку в 1778 году сэр Питер Паркер... пригласил меня на должность третьего лейтенанта на “Бристоль”, свой флагманский корабль, где со временем я дослужился до первого лейтенанта. После вступления Франции в войну на стороне американских колоний “Бристоль” по большей части патрулировал северо-западное побережье Гаити, так что ничего примечательного за время моей службы на нем не произошло».

«Ничего примечательного». Следим внимательно, Нельсону все еще только двадцать лет.

«8 декабря 1778 года я был назначен (адмиралом Паркером) командером на бриг “Бэдджер”».

С «Бэджером» кое-что примечательное все же произошло. Служба тоже в основном рутинная, но есть и «героический эпизод». На корабле «Глазго» случается пожар. *«Капитан “Глазго” Томас Ллойд не даст соврать: благодаря нашим с ним объединенным усилиям пламя было потушено, а вся команда спасена».*

Коммандер – промежуточный чин между лейтенантом и капитаном. Коммандер может командовать и безранговым кораблем, и, при необходимости, небольшим военным. Как правило, коммандер ждет, когда освободится капитанская вакансия. Ждать можно долго, но Паркер обещает Нельсону, что ближайшая вакансия – его.

В июне 1779 года случайным выстрелом был убит капитан фрегата «Хинчинбрук». *«Мы все продвигаемся наверх благодаря чьей-то смерти. Выстрел, поразивший капитана “Хинчинбрука”, дал мне эту должность. Полагаю, что и я так покину мир...»* Адмирал Паркер сделал своего любимца капитаном. Нельсону все еще двадцать!

Да, ждать адмиральского чина ему придется долго, тоже почти двадцать лет. Но стать капитаном в столь юном возрасте – нечто невиданное. «Геройские поступки» у Нельсона были, но, в конце концов, он даже белого медведя прикладом не убил! Шучу, конечно. Горацио очень сильно помогали.

Сначала – дядя Морис Саклинг, потом – Питер Паркер,

относившийся к Нельсону как к сыну. Протекционизм в чистом виде? Формально – да. Однако и Саклинг, и Паркер были людьми весьма неглупыми и в «кадрах» хорошо разбирались. Вредить себе точно не стали бы. Оба увидели в Горацио Нельсоне что-то особенное. И ведь не ошиблись!

Что же касается реакции других офицеров на стремительный взлет Нельсона... Сейчас в моде разнообразные «теории лидерства». Один из лидеров (простите за тавтологию) в этой области – английский ученый Джон Адаир, автор 40 книг! В одной из них, невероятно популярной, Адаир много говорит о Нельсоне. Вот цитата: *«Нельсон обладал замечательной способностью приобретать положение и славу, не вызывая зависти коллег или начальников».*

Сказано красиво, да и нужно же было найти лидера с подобными качествами. Не просто лидера, а из «самых-самых». В чем-то профессор Адаир и прав, только я бы сформулировал немного по-другому. Нельсон действительно обладал редкой способностью вызывать меньше зависти, чем другие.

Как у него это получалось? Могу лишь предположить. Он был крайне высокого мнения о себе, но – не высокомерным. Он умел разговаривать на одном языке с матросами и адмиралами, а главное – очень быстро понимал, когда сказал что-то «не то». Он – вот что поразительно – даже хвастался так, что это практически не раздражало. Он постоянно напоминал про героизм, так ведь почти все и считали его геро-

ем! Когда человеком так восхищаются, зависть выглядит какой-то нелепой. Вслух, по крайней мере, ее лучше не высказывать.

О природе лидерства Нельсона мы еще поговорим. Пока отмечу одно, важное, на мой взгляд, его качество. Нельсон очень быстро вызывал доверие к себе. Я говорю лишь о его соотечественниках, и в первую очередь – о матросах и офицерах флота. С политиками, с военными союзниками уже могли возникнуть сложности. Нельсон – английский адмирал, о чем он никогда не забывал. У своих – вера в него невероятная. Не только вера, но и восхищение, и любовь.

В того же Веллингтона солдаты тоже верили безоговорочно, но любовь? Да никогда! Веллингтон никогда даже не пытался никого очаровывать, у Нельсона это получалось само собой. Основное различие между двумя национальными героями – в искренности. Веллингтон, как настоящий аристократ, свои чувства прятал, Нельсон – их не скрывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.